

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТЮРЬМАХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1918 – 1919 гг.)

С. П. Звягин, И. М. Ликстанов

NUMBER AND COMPOSITION OF PRISONERS IN PRISONS OF ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENTS IN EASTERN SIBERIA (1918 – 1919)

S. P. Zvyagin, I. M. Likstanov

В статье анализируется весьма актуальная тема о численности заключенных в тюрьмах антибольшевистских режимов на территории Восточной Сибири. Авторы считают, что оценки советских историков были явно завышены. Однако еще предстоит разобраться с точным числом заключенных в этом регионе. В статье анализируется социальный, гендерный состав заключенных. В публикации делается вывод о том, что мнение отечественной историографии о том, что колчаковские тюрьмы были местом массового уничтожения, не подтверждается фактами.

The paper analyzes the topical issue of the number of prisoners in prisons of anti-Bolshevik regimes in Eastern Siberia. The authors believe that the evaluations of Soviet historians were clearly overestimating. However, the exact number of prisoners in the region remains to be counted. The paper analyzes the social and gender composition of prisoner. The authors conclude that Russian historiographers' opinion that Kolchak's prisons were sites of mass destruction is not supported by facts.

Ключевые слова: Гражданская война, Восточная Сибирь, тюрьмы, численность и состав заключенных, причины ареста.

Keywords: Civil war, Eastern Siberia, prisons, number and composition of prisoners, reasons for arrest.

Функционирование мест заключения антибольшевистских правительств на территории Восточной Сибири в условиях Гражданской войны давно привлекает внимание историков. Безусловно, важными являются два вопроса: общее количество заключенных и причины их ареста. К сожалению, нам не удалось найти официальной статистики. Когда-то молодой исследователь Б. И. Копеев просто заявил, что число заключенных при А. В. Колчаке выросло в Сибири во много (!? – *С. П., И. Л.*) раз [39, л. 70].

Есть лишь одно указание современника на численность заключенных в тюрьмах региона. По сведениям известного социалиста-революционера К. Бурвого, в сибирских тюрьмах и лагерях в конце 1918 г. содержалось 75 тыс. человек [3, с. 30]. По мнению томских историков, к осени 1918 г. в Сибири под арестом находилось около 75 тыс. человек [4, с. 150 – 151]. Увы, никто из авторов не называет источника своей информированности. Поэтому трудно считать это число правдоподобным.

Действительно, аресты были массовыми. В июле 1918 г. шадринская газета сообщила, что Временное правительство автономной Сибири в первые дни после свержения советской власти бросило в тюрьму более 5 тыс. рабочих [36, 10 июля]. Официальному опровержению данных сведений не последовало.

Однако если мы будем сравнивать число заключенных по разным тюрьмам, то столь значительного числа мы не получим. Так, летом и в начале осени 1918 г. в тюрьмах Омска, Иркутской и Томской губерний, по нашим подсчетам, находилось около 14 тыс. заключенных [18, л. 109; 28, л. 14; 6, л. 1].

Что касается Восточной Сибири, то 10 марта 1919 г. управляющий Иркутской губернии П. Д. Яковлев сообщил в департамент милиции МВД о 4700 заключенных. Из них содержалось: в Иркутской губернской тюрьме – 1950, в уездных – 600, Заиркут-

ском военном городке – 800 человек. Остальные находились в Александровском центральном и пересыльной тюрьме [19, л. 214]. Примечательно, что в середине июля 1918 г., по сведениям одной из газет, в Иркутской губернской тюрьме находилось 640 арестованных [45, 18 июля].

Общее число заключенных в Красноярской губернской, Ачинской, Канской, Енисейской и Минусинской уездных тюрьмах летом 1919 г. достигло 3200 человек [10, л. 11]. Таким образом, общее число находившихся в местах заключения на территории Восточной Сибири не превышало 9 тыс. человек.

В этом случае на тюрьмы Западной Сибири должно было приходиться из 75 тыс. – 66 тыс. заключенных. Если принять это число, то чем тогда объяснить патологическое стремление властей Западной Сибири к арестам, если число заключенных превышало их количество в Восточной Сибири в шесть раз.

Можно предположить, что власти превышали нормативы по численности заключенных в тюрьмах. Действительно, места заключения были переполнены. 13 августа 1918 г. начальник Александровского центра Калашник доложил в тюремное отделение министерства юстиции о том, что в учреждении, рассчитанном на 1010, содержится 1362 человек [23, л. 281]. К декабрю 1919 г. здесь находилось на 404 заключенных больше нормы [8, л. 292]. В этой связи вызывают сомнения свидетельства бывших его узников. Одни считают, что в учреждении содержалось более 2 тыс. человек [29, с. 48]. По словам И. Марьина, к августу 1919 г. в Александровском центре содержалось 3 тыс. человек [40, 11 нояб.]. Переполнена была и Иркутская губернская тюрьма. По сведениям Н. В. и В. Н. Дворяновых, здесь в камеры, рассчитанные на 15 – 18, помещали до 35 человек [32, с. 48; 29, с. 50].

Омские власти об этом знали. В январе 1919 г. министерство юстиции признало, что «Места заклю-

чения Западной и Восточной Сибири переполнены. Свободных мест нигде нет» [25, л. 66]. Принимая во внимание переполненность тюрем, все равно общее число арестантов было около 10 тыс. человек.

В силу того, что штатные места заключения были переполнены, арестованные содержались в приспособленных помещениях. В Минусинске это были дома доктора Анисимова и купцов Савельева, Вильнера и др. [41, с. 26]. По сведениям И. Ф. Плотникова, вновь принял арестантов концлагерь в военном городке Иркутска [42, с. 299]. Однако вряд ли и здесь мог содержаться контингент числом в 10 – 15 тыс. человек. На наш взгляд, число, названное К. Буревым, сильно завышено. Хотя, конечно, еще предстоит выяснить реальный размах репрессий.

Чтобы разгрузить тюрьмы в первую очередь прифронтовых городов, сибирское правительство решило устроить концлагеря на Дальнем Востоке, в частности, на необитаемом Русском острове в 15 километрах от Владивостока. По мнению большевиков, это был план истребления ни в чем не повинных людей, которых даже не было предположено какое-либо обвинение [29, с. 39]. С этим предположением трудно согласиться, т. к. концлагеря антибольшевистских правительств не предполагали массового уничтожения.

Более достоверны воспоминания Н. С. Пугачёва. По его словам машинистка Александровского центра-ла Лучших проболталась ему на свидании о шифрограмме. В ней говорилось об эвакуации заключенных в Забайкалье [15, л. 4].

Значительный научный и политический интерес представляет состав заключенных. Власти разного уровня пытались в этом разобраться. 27 марта 1919 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего Генерального штаба генерал-майор Д. А. Лебедев приказал всех пленных красных, направленных в тыл, «разделить» по четырем категориям: добровольцы из рабочих и бывших моряков, добровольцы из крестьян и хлебопашцев. В именных списках указать наиболее «вредный элемент», который направить в тюрьмы и лагеря. Они должны были предстать перед военно-полевым судом. Оправданных надлежало поместить в лагерь военнопленных, находящиеся вне театра военных действий [49, л. 9].

31 июля 1919 г. начальник ГУМЗ П. К. Гран обратился к управляющим губерниями (областями) с просьбой сообщить точные сведения о числе заключенных в соответствующих губерниях (областях). Руководителя ведомства интересовало сколько арестовано: 1) красноармейцев, 2) красногвардейцев и 3) лиц, лишенных свободы в связи со свержением советской власти [31, л. 3].

Анализ доступной нам информации позволяет сделать следующий вывод: большая часть заключенных было арестована по политическим мотивам.

Судя по воспоминаниям, среди 75 тыс. заключенных – около 30 тыс. человек были арестованы по политическим мотивам [17, л. 4].

В 1959 г. томские историки не только повторили известный нам факт, что к осени 1918 г. в Сибири под арестом находилось около 75 тыс. человек, они уточнили, что среди них большинством были обвиняемые в причастности к «большевистской узурпации власти». В основном это были представители рабочего

класса [4, с. 150 – 151]. Правда, авторы вновь не привели источник своей осведомленности.

Через двадцать с небольшим лет после окончания Гражданской войны сибирские историки ввели в оборот даже юмористический оборот. В годы Гражданской войны, писали они, в быту появилась не далекая от истины мрачная шутка: в «свободной белой Сибири тюрьма стала вторым домом для людей с мозолистыми руками – рабочих» [44, с. 83]. Конечно, это не может быть научным аргументом.

Тем не менее архивные данные подтверждают, что большая часть арестованных попала в места заключения по политическим мотивам. Летом 1919 г. в Красноярской губернской, Ачинской, Канской, Енисейской и Минусинской уездных тюрьмах более 60 % заключенных составляли лица, арестованные в несудебном порядке в связи с приверженностью к советской власти [10, л. 11]. Что касается Иркутской губернской тюрьмы, то в 1918 – 1919 гг. из более чем 1600 заключенных 966 (60 % – С. З., И. Л.) были арестованы по обвинению в большевизме [подсчитано по: 14, л. 1 – 80].

Трудно спорить с тем, что политические противники составляли большинство контингента тюрем Восточной Сибири. Однако есть неустрашимые сомнения в социальном происхождении узников. Было ли в то время в регионе столько рабочих, сколько было арестовано? По подсчетам В. А. Кадейкина, в 1917 г. в Сибири было 565 – 570 тыс. рабочих [37, с. 57]. Если число арестованных равнялось 75 тыс. человек и большинство из них были рабочими, то в тюрьмах региона находился примерно каждый девятый из них.

Более достоверными нам представляются данные красноярского историка Ю. В. Журова. По его подсчетам, на 15 августа 1919 г. из 1058 заключенных по политическим мотивам в Красноярской губернской тюрьме 2/3 составляли крестьяне [20, л. 344; 34, л. 148].

До сих пор не уточнены две позиции. Во-первых, сколько из арестованных по политическим мотивам было реальных противников антибольшевистского режима, а сколько мнимых. О том, как произвольно сотрудники правоохранительных органов антибольшевистской Сибири трактовали понятие «большевик», убедительно доказал кемеровский историк С. П. Звягин [35].

Во-вторых, следует помнить о том, что в тюрьмах Восточной Сибири содержались и уголовные преступники, удельный вес которых среди арестантов еще предстоит уточнить. Некоторое представление об этом дают архивные сведения по Александровскому централу. К декабрю 1919 г. в нем содержалось 1204 заключенных. Среди них: 158 человек отбывали срок по обвинению в большевизме, 90 – за уголовные преступления, 525 являлись ссыльно-каторжными и 431 заключенный не имели документов. Они были из числа эвакуированных с Поволжья и Урала тюрем [8, л. 292]. В этом случае политические заключенные составляют очевидное меньшинство.

Самостоятельный интерес представляет анализ гендерного состава заключенных. Для анализа можно привлечь официальные данные. 18 августа 1918 г. начальник Иркутской губернской тюрьмы Соколов

доложил в тюремное отделение министерства юстиции о том, что его учреждение рассчитано на 1303 мест для мужчин и 142 для женщин. Фактически содержалось 1303 мужчины и 142 женщины. По режиму содержания картина складывалась следующая: 1198 мужчин находилось в общих камерах и 105 в одиночках. Что касается женщин, то 124 из них со-

держались в общих камерах и только 18 в одиночных [24, л. 267]. На 13 сентября 1918 г. в Красноярской губернской тюрьме было 1088 заключенных, в том числе мужчин – 1009, женщин – 67, детей – 12 [24, л. 202]. Динамика изменения мужского контингента в двух местах заключения Иркутской губернии дана в таблице.

Таблица

Рост заключенных-мужчин в Александровском центральном и Балаганской уездной тюрьме
[сост. по: 24, л. 31, 33 – 34, 36 – 39, 41, 61, 63, 65, 67, 69, 71, 73, 75, 78, 80, 82, 84]

Название места заключения	01.11	01.12	01.01	01.02	01.03	01.04	01.05	01.06	01.07
Александровский централ	230	231	116	136	129	197	269	521	
Балаганская уездная тюрьма	55	48	68	60	64	61	68	73	89

Очевиден вывод: львиную долю заключенных составляли мужчины, причем их число неуклонно росло.

Власти принимали меры по форме и по существу к снижению загруженности тюрем. Ряд мер были формальными. Во-первых, делались шаги по более равномерному распределению контингента среди тюремных учреждений. 14 марта 1919 г. был опубликован циркуляр министерства юстиции. В нем содержалось предложение управляющим губерниями (областями) подать в Омск сведения о числе камер и мест в них. Министерство предлагало «разрядить» заключенных по тюрьмам «пропорционально» [51, 14 марта].

Во-вторых, заключенных перевозили из одного региона в другой. Это в какой-то мере уменьшало их количество в Восточной Сибири, но от этого их общее количество не менялось. 7 декабря 1918 г. «Правительственный вестник» сообщил о том, что из-за перегруженности тюрем и лагерей недавно арестованные женщины и дети возвращаются обратно на запад из Владивостока [43, 7 дек.].

12 мая 1919 г. ГУМЗ направило управляющим губерниями (областями) распоряжение о том, чтобы в целях разгрузки мест заключения предпринять следующее: 1) каторжных направить в Александровский централ; 2) арестованных – в Томское исправительно-арестное отделение № 2; 3) красноармейцев и красногвардейцев отправить в Соколовский стан Амурской области [12, л. 96].

Я. Е. Фаерман вспоминает, что 10–12 декабря 1919 г. из Красноярской губернской тюрьмы было эвакуировано 250 человек [46, л. 3].

Вместе с тем власти принимали меры и по существу, стремясь реально сократить число содержащихся в местах заключения. Например, 7 и 8 ноября 1918 г. Иркутский губернский комиссар П. Д. Яковлев посетил одиночные камеры Иркутской губернской тюрьмы. Он отметил перегруженность учреждения следственными арестованными. Руководитель губернии распорядился всех «срочных» арестованных и тех, о ком следствие закончено, переправить в Александровский централ [45, 10 нояб.].

2 июля 1919 г. начальник ГУМЗ П. К. Гран еще раз указал управляющим губерниями (областями) о том, что тюрьмы переполнены. Причем 65 % аресто-

ванных числилось за следственными комиссиями. П. К. Гран попросил «озаботиться» ускорением рассмотрения следственных дел [26, л. 60].

В этом процессе принимали участие и военные. 19 августа 1919 г. начальник отдела контрразведки и военного контроля полковник Злобин доложил второму генерал-квартирмейстеру о том, что большое количество арестованных продолжительное время находится под следствием, переполняя тюрьмы. «Всякая репрессия тем действеннее, – считал офицер, – чем скорее следует за преступлением». Для разгрузки тюрем он предлагал привлечь прифронтовой военно-полевой суд [27, л. 275].

По понятной причине большое значение для арестованных и их родственников имела длительность заключения. Можно указать на три возможных срока. Во-первых, 3 августа 1918 г. Временное Сибирское правительство приняло решение о том, что опасные деятели советской власти должны оставаться в тюрьме до созыва Учредительного собрания. По мнению А. Гана, такой же срок был установлен и при А. В. Колчаке [13, с. 162]. Н. В. и В. Н. Дворяновы тоже придерживались мысли о том, что белогвардейцы намеревались держать всех арестованных в тюрьмах до созыва Учредительного собрания. Оно должно было решить их судьбу [32, с. 39].

Во-вторых, был приказ министра внутренних дел А. Н. Гаттенбергер не выпускать арестованных из тюрем до 1 октября 1919 г. [47, л. 11–13].

В-третьих, лица, которые, по мнению белых, «угрожали» государственному строю или общественной безопасности, было приказано вообще не выпускать из тюрем, если даже они отбыли срок заключения [48, л. 11].

Отмечены примеры «долгожительств» в тюрьмах региона. Тому есть две причины. Во-первых, арестанта могли сколько угодно долго перевозить из тюрьмы в тюрьму. Об этом можно узнать из воспоминаний. В июне 1918 г. в Щегловске был арестован Е. Д. Вдовин. До освобождения в январе 1920 г. он «побывал» в Новониколаевской, Томской губернской, Томской пересыльной, Иркутской тюрьмах и в Александровском центральном [11, л. 23]. И. Иванов в воспоминаниях от 22 марта 1950 г. вспомнил свой арест и заключение

в Омской тюрьме, Александровском центре. Из-за переполненности Никольск-Уссурийской тюрьмы его этапировали в Хабаровскую тюрьму [9, л. 74].

Л. Колина арестовали 5 ноября 1918 г. в Уфе. За 30 дней его через Иркутск довели до Читы, а потом вернули в Иркутск [5, л. 26 об.]. Г. А. Лихачёва арестовали в городе Боготол Енисейской губернии, а затем этапировали во Владивосток [29, с. 39].

Во-вторых, был реальный шанс уцелеть, сидя в одном месте. В ночь на 31 декабря 1919 г. были освобождены Политцентром из Иркутской тюрьмы видные большевики: А. М. Краснощёков, В. В. Рябиков, Я. Б. Шумяцкий, В. Л. Букатый, И. Н. Бурсак и другие [1, с. 42; 2, с. 14]. По воспоминаниям А. А. Семенова, в сибирских тюрьмах уцелел и И. М. Горохов, арестованный в Иркутской губернии [16, л. 3].

Кроме этого уцелело несколько сотен других заключенных. Поэтому мнение группы историков о том, что колчаковцы планомерно истребляли сторонников Советской власти в тюрьмах [30, с. 108], не совсем верно.

Нами выявлено, что в местах заключения находились не только взрослые, но и дети. Это были не только сыновья и дочери арестованных, но и родившиеся в тюрьме. Так в 1919 г. в Иркутской губернской тюрьме А. П. Третьякова родила дочку [38, с. 34]. В Красноярской губенской тюрьме матерью стала А. Е. Яковлева [50, л. 3 – 4].

Дети содержались в обычных камерах. Из воспоминаний Д. С. Жарковой можно узнать, что в Иркутской тюрьме были и женские камеры. Вот описание одной из них. Вместо обычных дверей в проёме стены, подъёмный щит. К стенам привинчено 8 железных коек (на 20 заключённых), на середине стол, у дверей параша. Маленькие окна на высоте двух метров от пола. В камере темно и душно. Вместе с женщинами несколько ребят, в возрасте от 4 до 8 лет. Среди них сироты, матери которых умерли в тюрьме [33, с. 66 – 67].

По отношению к этому необычному контингенту отношение властей было различным. Их судьбу определял возраст. Малолетние подлежали освобождению. Нами выявлены два списка малолетних арестантов Иркутской губернской тюрьмы, которые подлежали освобождению. В первом были фамилии 18 человек в возрасте 14 – 17 лет, в т. ч. 3 – 14 летние. Во втором –

фамилии 5-х малолетних, которые подлежали высылке к родителям [21, л. 93, 145].

Для тех детей, которые не подлежали освобождению, при Иркутской губернской тюрьме был приют для арестантских детей. Там находилось 18 детей и 5 служащих [7, л. 1 – 4]. 30 апреля 1919 г. ГУМЗ запросил подведомственные учреждения о наличии воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних. Только 21 июня 1919 г. Иркутский губернский тюремный инспектор известил главное управление о существовании одного приюта, рассчитанного на 30 детей при 10 сотрудниках [22, л. 62].

В Красноярской губернской тюрьме с родителями содержалось 11 подростков, в том числе дети видных большевиков Я. Ф. Дубровинского 6-ти и 8-ми лет, А. Перенсона – 2-х и 4-х лет, Г. И. Пекарав – 8-ми и 12-ти лет, Е. Л. Фаерман – 8-ми лет. К. И. Адасинская находилась в заключении с двумя детьми – 5-ти и 3-х лет [46, л. 3 – 4].

Нам удалось установить, что численность заключенных, содержащихся в тюрьмах Восточной Сибири, не подтверждается достоверными данными и еще нуждается в уточнении. Одно очевидно, их число в этом регионе было намного меньше, чем долгие годы утверждали отечественные авторы и мемуаристы. Требуется более подробное изучение социальной и гендерной состав тюремного контингента. Вопреки устоявшемуся в советское время мнению о преобладании среди заключенных рабочих, нам представляется возможным в этом усомниться. Более половины людей, содержащихся в тюрьмах, были крестьянами.

Что касается деления заключенных на политических и уголовных, то первых насчитывалось больше. Здесь следует помнить о том, как широко в то время трактовали «принадлежность к большевизму».

Подавляющее большинство среди тюремного контингента составляли мужчины. Однако в заключении находились женщины и несовершеннолетние.

Суровость, даже жестокость режима содержания также не находит подтверждения. Упоминания советских авторов о массовых расправах в местах заключения не находят соответствующих доказательств. Имевшие место эксцессы являлись не правилом, а исключением. Однако это не означает, что здоровье и жизнь, человеческое достоинство в тюрьмах региона были защищены надлежащим образом.

Литература

1. Агалаков В. Т. Рабочие Иркутска в борьбе с колчаковщиной // Рабочие Восточной Сибири в борьбе за власть Советов (1917 – 1922 гг.). Иркутск: изд-во Ирк. ун-та, 1985.
2. Агалаков В. Т. Валентин Рябиков – историк Октябрьской революции и Гражданской войны в Сибири // Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического Отечества: тез. Всесоюз. науч. конф. г. Новосибирск, 4 – 7 июня 1990 г. Новосибирск, 1990.
3. Буревой К. Колчаковщина. М., 1919.
4. Вопросы истории Сибири. Томск, 1959. Вып. 4.
5. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. П. 596. Оп. 1. Д. 342.
6. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 157. Оп. 1. Д. 14.
7. ГАИО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 7.
8. ГАИО. Ф. 873. Оп. 1. Д. 6.
9. Государственный архив историко-партийных документов Курганской области (ГАИПДКО). Ф. 5857. Оп. 1. Д. 274.
10. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 1763. Оп. 1. Д. 84.
11. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П. 483. Оп. 1. Д. 8.
12. Государственный архив Курганской области ГАКурО). Ф. 253. Оп. 1. Д. 48.

13. Ган А. Два восстания // Белая идея: летопись белой борьбы. Т. 3. Берлин: Медный всадник, 1927.
14. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 694.
15. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 477.
16. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 306.
17. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.П. 5. Оп. 2. Д. 646.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 130. Оп. 2. Д. 446.
19. ГАРФ. Ф.Р. 147. Оп. 1. Д. 19.
20. ГАРФ. Ф.Р. 19. Оп. 1. Д. 25.
21. ГАРФ. Ф.Р. 3352. Оп. 1. Д. 1366.
22. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 4. Д. 216.
23. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 4. Д. 39.
24. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 5. Д. 15.
25. ГАРФ. Ф.Р. 874. Оп. 5. Д. 24.
26. ГАРФ. Ф.Р. 149. Оп. 1. Д. 1.
27. ГАРФ. Ф.Р. 236. Оп. 1. Д. 20 б.
28. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 11. Оп. 4. Д. 13.
29. Годы огневые, годы боевые // Сб. воспоминаний участников Красноярского большевистского подполья и партизанского движения Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918 – 1920 годы). Красноярск, 1962.
30. Гражданская война // История Сибири. Т. 4. Л.: Наука, Лен. отделение, 1968.
31. Государственный архив Тюменской области в Тобольске (ГАТОТ). Ф. 722. Оп. 2. Д. 9.
32. Дворянов Н. В., Дворянов В. Н. В тылу Колчака. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1966.
33. Жаркова Д. С. Воспоминания // Годы огневые, годы боевые. Сб. воспоминаний участников Красноярского большевистского подполья и партизанского движения Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918 – 1920 годы). Красноярск, 1962.
34. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972.
35. Звягин С. П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 352с.
36. Земля и труд (Курган). 1918.
37. Кадейкин В. А. Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов и осуществление первых социалистических преобразований (ноябрь 1917 – август 1918 гг.). Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1966.
38. Кожевин В. Е. Легендарный партизан Сибири. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987.
39. Копеев Б. И. Восстания рабочих и солдат против колчаковщины в городах Сибири 1918 – 1919 гг.: дипломная работа / науч. рук В. Т. Агалаков. Иркутск, 1960 г. // ГАИО. Ф.Р. 71. Оп. 4. Д. 81.
40. Марьин И. В колчаковских застенках // Советская Сибирь (Новосибирск). 1969.
41. Обухов Н. К. Минусинское вооруженное восстание крестьян // Записки сибирских партизан. Новосибирск: кн. изд-во, 1961.
42. Плотников И. Ф. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы Гражданской войны (1918 – 1920 гг.). М.: Мысль, 1968.
43. Правительственный вестник (Омск). 1918.
44. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917 – 1937 гг.) / Отв. ред. А. С. Московский. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1982.
45. Свободный край (Иркутск). 1918.
46. Фаерман, Я. Е. Эшелон смерти / Я. Е. Фаерман // ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 136.
47. Центральный государственный архив Дальнего Востока (ЦГАДВ). Ф. 1005. Оп. 1. Д. 84.
48. ЦГАДВ. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 89.
49. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 124.
50. Центр хранения исторических документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК). Ф. 42. Оп. 10. Д. 221.
51. Эхо (Владивосток). 1919.

Информация об авторах:

Звягин Сергей Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, whitesiberia@narod.ru.

Sergey P. Zvyagin – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo state University.

Ликстанов Иван Михайлович – соискатель кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, narodovlastie@gmail.com.

Ivan M. Likstanov – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 19.07.2014 г.